

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 206–216
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 206–216
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-2-206-216>, EDN: UCCEBG

Научная статья
УДК 342.4

К методологии анализа охранительного конституционализма: модель разветвлённого герменевтического цикла и концепция герменевтического суверенитета

Т. Т. Озиев

Чеченский государственный педагогический университет, Россия, 364037, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, д. 33

Озиев Тамерлан Таймуразович, кандидат юридический наук, доцент кафедры правовых дисциплин, oziev@rambler.ru, AuthorID: 399673

Аннотация. Введение. В ответ на «охранительный поворот» конституционных судов академический дискурс сосредоточен на догматическом содержании решений или их внешних политических детерминантах, оставляя без внимания ключевой вопрос о том, каким образом производится легитимность. **Постановка проблемы.** Данная статья предлагает совершить герменевтический поворот, сместив фокус на имманентную технологию судебного смыслопорождения. **Теоретический анализ.** Вводятся и обосновываются концепты разветвлённого герменевтического цикла, описывающего дуальную структуру легитимации в коллегиальном суде (ветвь большинства vs. критическая ветвь особого мнения), и герменевтического суверенитета как способности суда стратегически управлять имманентным праву сомнением для производства обязательной правовой достоверности. **Эмпирический анализ.** Предлагается метод диагностики типа суверенитета через анализ стратегий работы с особым мнением. **Заключение.** Статья задаёт новые методологические координаты для анализа устойчивости конституционных порядков, преодолевая идеологический диктат трансатлантических подходов.

Ключевые слова: герменевтический суверенитет, разветвлённый герменевтический цикл, охранительный конституционализм, особое мнение судьи, технология легитимации, управление сомнением, суверенные способности правосудия

Для цитирования: Озиев Т. Т. К методологии анализа охранительного конституционализма: модель разветвлённого герменевтического цикла и концепция герменевтического суверенитета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 206–216. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-2-206-216>, EDN: UCCEBG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Towards a methodology of analyzing defensive constitutionalism:
The model of the branched hermeneutic cycle and the concept of hermeneutic sovereignty**

T. T. Oziev

Chechen State Pedagogical University, 33 Subra Kishieva St., Grozny 364037, Russia

Tamerlan T. Oziev, oziev@rambler.ru, AuthorID: 399673

Abstract. Introduction. In response to the “protective turn” of constitutional courts, academic discourse has focused on the dogmatic content of decisions or their external political determinants, neglecting the key question of how legitimacy is produced. **Problem statement.** This article proposes a hermeneutical turn, shifting the focus to the immanent technology of judicial meaning-making. **Theoretical analysis.** The concepts of a branched hermeneutical cycle, which describes the dual structure of legitimation in a collegial court (the majority branch vs. the critical branch of a dissenting opinion), and hermeneutical sovereignty as the court’s ability to strategically manage the inherent doubt of law in order to produce mandatory legal certainty, were introduced and justified. **Empirical analysis.** A method for diagnosing the type of sovereignty through the analysis of strategies for dealing with dissenting opinions was proposed. **Conclusion.** The article sets new methodological coordinates for analyzing the stability of constitutional orders, overcoming the ideological dictates of transatlantic approaches.

Keywords: hermeneutic sovereignty, branched hermeneutic cycle, defensive constitutionalism, dissenting opinion, legitimation technology, doubt management, sovereign capacities of the judiciary

For citation: Oziev T. T. Towards a methodology of analyzing defensive constitutionalism: The model of the branched hermeneutic cycle and the concept of hermeneutic sovereignty. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 206–216 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-2-206-216>, EDN: UCCEBG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современный конституционализм отмечен феноменом «суверенно-охранительного поворота»: конституционные суды всё чаще вынуждены формулировать ответы на вызовы, затрагивающие основы государственности [1, с. 3–14]. Сложившийся корпус исследований, однако, демонстрирует не только методологическую дихотомию, но и концептуальный тупик, который настоящая работа стремится преодолеть.

Теоретические истоки – охранительная традиция в российской мысли. Следует подчеркнуть, что проблематика защиты государственного суверенитета через право и судебную деятельность имеет глубокие корни в отечественной государственно-правовой мысли. Концепция суверенно-охранительного конституционализма возникает не на пустом месте, а развивает ключевые мысли русской охранительной и государственной школы, синтезируя их с современной конституционной доктриной. Её историко-теоретические основы заложены в трудах Л. А. Тихомирова, чья концепция «монархической государственности» обосновывала необходимость сильной национальной власти, укоренённой в исторических и духовных традициях народа, как единственно прочной основы правопорядка [2, с. 485–532].

Философско-правовое измерение этой традиции получило мощное развитие в наследии И. А. Ильина. Его учение о правосознании, о государстве как «духовной корпорации» и о воспитывающей роли власти даёт онтологическое обоснование деятельности конституционного правосудия, призванного утверждать и защищать высшие ценности национального конституционного строя [3, с. 102–150].

В современной российской конституционной доктрине эти идеи находят своё прямое и авторитетное продолжение. Фундаментальный вклад в осмысление суверенитета, конституционной идентичности и охранительной функции правосудия вносят работы В. Д. Зорькина [4], Т. Я. Хабриевой [5] и Б. С. Эбзеева [6], а также В. Е. Чиркина [7]. Их исследования заложили теоретико-прикладной фундамент для понимания роли Конституционного суда РФ как гаранта основ конституционного строя.

Таким образом, предлагаемая концепция сознательно наследует и методологически

развивает ключевые положения авторитетной отечественной традиции, переводя её базовые идеи в плоскость операционального анализа конкретных институциональных технологий современного конституционного правосудия.

Постановка проблемы

Проблемное поле: за пределами «авторитарного конституционализма» и стратегических моделей.

Господствующие подходы к анализу охранительных практик судов можно свести к двум влиятельным, но недостаточным парадигмам.

Первая парадигма – это нормативно-политическая критика [8], наиболее ярко выраженная в концепции «авторитарного конституционализма» [9, с. 38–42]. Данное направление выполняет важную диагностическую функцию, фиксируя феномен использования конституционных форм для концентрации власти. Однако его аналитический ресурс оказывается исчерпанным в момент вынесения оценочного вердикта. Объявив практику суда «авторитарной», исследователь ставит точку, оставляя без ответа ключевой вопрос: каким именно образом даже в условиях, внешне характеризующихся как авторитарный сдвиг, судебный акт продолжает производить эффект правовой легитимности, внутренней убедительности и нормативной обязательности? Эта парадигма описывает результат и даёт ему идеологическую оценку, но не вскрывает операциональный механизм легитимации, который, возможно, является общим для различных политических режимов. Более того, этот дискурс часто служит инструментом нормативно-политической дискредитации суверенных моделей конституционного развития, отличных от трансатлантических стандартов [10].

Вторая парадигма – это стратегический и институционально-социологический анализ [11, 12]. Вскрывая логику политического давления, коалиционных расчётов или идеологических предпочтений судей, этот подход убедительно отвечает на вопрос, почему суд принимает то или иное решение. Однако, сводя право к эпифеномену внешних интересов или социальных сил, он совершает редукционистскую ошибку. Право в такой трактовке лишается своей имманентной силы – способности не просто отражать, но и конституировать реальность

через производство обязательных смыслов. Стратегическая модель видит в судебной аргументации «фасад» или «инструмент», тогда как центральный тезис настоящего исследования состоит в том, что именно «фасад» и является главным механизмом власти в конституционном правосудии. Технология производства легитимности – это не иллюстрация к заранее принятому решению, а тот самый процесс, в котором политическая необходимость трансмутируется в правовую достоверность и обретает символическую силу, способную структурировать поведение всех акторов, включая саму политическую элиту.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: преобладающие школы либо осуждают «охранительный поворот» как отклонение от нормы (первая парадигма), либо объясняют его внешними причинами (вторая парадигма), но оставляют в тени главный объект – внутреннюю, имманентную праву технологию суверенного смыслопорождения. Этот пробел образует не просто лауну в знаниях, но и методологический барьер для содержательного сравнительного анализа.

Теоретический анализ

Исходя из данной критики, настоящая статья предлагает совершить герменевтический поворот – смещение аналитического фокуса с содержания решений и их детерминант на операциональные механизмы их смыслопорождения. Мы исходим из гипотезы, что устойчивость конституционного порядка в моменты кризиса обеспечивается не столько формальными гарантиями, сколько специфической герменевтической компетенцией судебной власти – её способностью к суверенному структурированию внутреннего правового дискурса для легитимации необходимых решений. Эта компетенция, обозначаемая как герменевтический суверенитет, материализуется в различных институциональных технологиях.

Целью настоящего исследования является выявление и концептуализация суверенных способностей конституционного правосудия, обеспечивающих защиту основ конституционного строя в условиях экзистенциальных вызовов. Для этого разрабатывается оригинальный методологический аппарат, позволяющий анализировать не идеологическую окраску

судебных решений, а имманентные праву технологии производства окончательных и общеобязательных смыслов.

Для её достижения последовательно решаются задачи:

- 1) критически обозначить пределы классической герменевтики и существующих школ;
- 2) ввести и обосновать модель разветвлённого герменевтического цикла;
- 3) концептуализировать понятие герменевтического суверенитета и построить его идеально-типическую классификацию;
- 4) предложить компактный метод его диагностики, открывающий перспективу для структурированного сравнительного анализа.

1. *Классическая философская герменевтика*, сосредоточенная на диалоге интерпретатора с текстом [13, с. 256–350], а также современные теории конструктивной интерпретации, нацеленные на поиск «лучшего обоснования» [14, с. 52–53], оказываются недостаточными для анализа института конституционного правосудия как производителя легитимности. Конституционный суд РФ осуществляет не просто понимание Основного закона, а производит легитимные и общеобязательные смыслы, прекращая правовую неопределённость. Его герменевтический процесс институционально трансформирован: он структурирован процедурой, облечён в строгие форматы и подчинён сверхзадаче обеспечения неопровержимой легитимности вывода. В условиях кризиса эта задача требует преодоления не семантической неоднозначности, но имманентного праву сомнения – юридически состоятельной возможности альтернативного толкования, угрожающей единству властного акта [15, с. 211–221]. Это сомнение не является слабостью, а представляет собой системное свойство развитого права, простирающееся из принципов правовой определённости и состязательности.

2. *Модель развернутого герменевтического цикла: архитектура судебного смыслопорождения*. Работа с этим институционализированным сомнением составляет скрытую пружину герменевтики суда. Развивая модель герменевтического цикла, мы предлагаем её ключевую модификацию – разветвлённый герменевтический цикл. В деятельности коллегиального суда процесс смыслопорождения закономерно расщепляется на две процессуально обособленные, но содержательно связанные траектории.

Основная (доминирующая) ветвь объективируется в решении большинства. Это официальная траектория, ведущая от восприятия вызова через его юридическую квалификацию к итоговой охранительной доктрине.

Критическая (рефлексивная) ветвь находит своё легитимное воплощение в особом мнении судьи как материализованном сомнении. Это не побочный продукт, а институционализируемая форма имманентной праву критической рефлексии.

Отношение между ветвями задаётся режимом канализации сомнения: экстернализация (особое мнение как отдельный акт) или интернализация (сомнение инкорпорировано в текст большинства). Модель фиксирует дуальную онтологию решения: оно есть продукт взаимодействия властного смыслоутверждения и имманентного ему институционализованного сомнения.

3. *Конституционная онтология vs герменевтика: два уровня анализа суверенного смыслопорождения.* Предлагаемый подход требует чёткого аналитического различия двух взаимосвязанных, но методологически самостоятельных уровней работы конституционного суда в условиях экзистенциального вызова. Это различие необходимо для преодоления возможной редукции сложного феномена суверенно-охранительного конституционализма к его внешним проявлениям.

Первый уровень – конституционно-онтологический. Он касается содержательного результата деятельности суда как верховного интерпретатора Основного закона. На этом уровне суд выступает в роли «доктринального инженера» [1, с. 45–50], чьи решения производят сдвиги в самой правовой реальности. Это может принимать форму:

– создания новых правовых концептов, кардинально меняющих квалификацию ситуации (например, «правовой вакуум»);

– утверждения верховных историко-политических нарративов, переопределяющих смысл событий (например, «историческое воссоединение»);

– актуализации базовых конституционных принципов (например, «нерушимость Союза»), которые становятся неопровержимыми аксиомами.

Именно этот уровень чаще всего становится предметом анализа в рамках догматической

юриспруденции и политико-правовой критики, фиксирующих, что постановил суд.

Второй уровень – герменевтико-технологический. Он составляет ядро настоящего исследования и отвечает на вопрос, *каким образом* указанные онтологические утверждения превращаются из спорных тезисов в легитимные и общеобязательные части судебного акта. Фокус смещается на процессуальные и текстуальные механизмы производства правовой достоверности. Ключевым объектом анализа становятся стратегии работы с имманентным праву сомнением.

Модель разветвлённого герменевтического цикла фокусируется именно на этом, втором уровне. Она описывает, каким образом взаимодействие между властным смыслоутверждением (ветвь большинства) и институционализованной критической рефлексией (ветвь особого мнения) служит скрытой пружиной процесса легитимации. Таким образом, если конституционно-онтологический уровень отвечает на вопрос, *что* творит суд с реальностью, то герменевтико-технологический уровень раскрывает, *как* он творит саму легитимность этого творения через специфическое структурирование внутреннего правового дискурса [16, с. 45–50].

4. *Герменевтический суверенитет: суверенитет в сфере смыслопорождения.* Анализ концентрируется на стратегиях герменевтического управления – устойчивых приёмах, с помощью которых большинство устанавливает отношение с канализованным сомнением (семантическая изоляция, инструментальная интеграция, доминирование через принцип).

Устойчивое сочетание формы канализации сомнения и стратегий управления позволяет выявить эмпирически обоснованные идеальные типы герменевтического суверенитета (в терминологии М. Вебера [17]). Каждому такому типу соответствует уникальная технология легитимации – конвенционализированный способ превращения конфликтной политико-правовой реальности в неоспоримую правовую достоверность.

Герменевтический суверенитет определяется как имманентная конституционному правосудию способность обеспечивать производство общеобязательных правовых смыслов через стратегическое структурирование внутреннего дискурса и управление имманентной ему

критической рефлексией. Это суверенитет не политический, а в сфере смыслопорождения – верховенство в праве окончательно определять истинную интерпретацию конституционного порядка в момент его испытания [18, с. 15–33].

Герменевтический суверенитет в системе методологии права: соотношение с классическими видами толкования.

Концептуализация герменевтического суверенитета как способности суда к стратегическому управлению внутренним дискурсом для производства окончательных смыслов закономерно ставит вопрос о его методологическом статусе в системе юридического знания. Для того чтобы избежать смешения с традиционными подходами и точнее очертить предмет анализа, необходимо провести содержательное разграничение между предлагаемым понятием и классическим инструментарием юридической герменевтики, представленным устоявшейся типологией видов (способов) толкования права: грамматического (буквального), системного, исторического и телеологического [19, с. 115–125].

Виды толкования представляют собой методологические инструменты для установления смысла правовой нормы. Они отвечают на вопрос о том, на основании каких данных и по каким правилам следует выявлять содержание нормы: её языкового выражения (грамматический способ), места в системе права (системный), условий её возникновения (исторический) или преследуемой ею цели (телеологический). Таким образом, теория толкования сосредоточена на технике смыслоизвлечения из нормативного текста.

Герменевтический суверенитет оперирует на ином, мета-методологическом уровне. Его предмет – не техника установления смысла, а институциональная технология придания одному из возможных (и часто конкурирующих) смыслов статуса общеобязательной и легитимной правовой истины. Иными словами, если виды толкования отвечают на вопрос «как возможны различные прочтения нормы?», то герменевтический суверенитет отвечает на вопрос «каким образом в условиях коллегиальности и кризиса из множества методологически корректных прочтений производится одно – властно утверждаемое и окончательное?».

Соотношение между этими уровнями можно представить как отношение ресурса

и стратегии. Классические виды толкования являются ресурсом, арсеналом аргументов, к которому апеллируют стороны судебного дискурса (как большинство, так и автор особого мнения). Герменевтический суверенитет же проявляется в стратегии использования этого ресурса – в том, каким образом судебское большинство выстраивает иерархию между этими видами толкования, подчиняет один другому, объявляет какой-то из них нерелевантным или, напротив, возводит в абсолют для достижения ключевой цели – производства неоспоримой легитимности решения.

На примере идеальных типов это выглядит следующим образом:

– при инструментальном суверенитете один из видов толкования (часто модифицированный, например, «историко-политическая целесообразность» вместо строго юридического телеологизма) может быть суверенно возведён в ранг верховного метода, подчиняющего или отменяющего остальные. Грамматический или системный аргумент, представленный в особом мнении, объявляется семантически нерелевантным в новой, конструируемой реальности;

– автокоммуникативный суверенитет характеризуется демонстративным синтезом всех видов толкования. Суд последовательно проводит грамматический, системный, исторический и телеологический анализ, показывая их взаимосвязь и приводя к единому, «исчерпывающему» выводу. Суверенитет здесь – в монополии на проведение этого тотального герменевтического процесса;

– суверенитет через доминирование принципа использует виды толкования как поле для демонстрации соответствия верховному императиву. Конфликт между, например, буквальным и телеологическим прочтением снимается не его разрешением, а апелляцией к надправовому принципу, который определяет, какое из прочтений ему служит.

Таким образом, концепция герменевтического суверенитета не отменяет и не подменяет классическое учение о толковании. Она надстраивается над ним, исследуя, как имманентная праву множественность методологических подходов преодолевается (канализируется, управляется, синтезируется) в акте суверенного властного решения, обеспечивающего смысловое единство и легитимность конституционного

порядка в момент его испытания. Этот сдвиг с анализа техники понимания на анализ технологии легитимации и составляет суть предлагаемого герменевтического поворота.

Эмпирический анализ

Инструментальный герменевтический суверенитет: механизмы, вариации и операциональная логика

Инструментальный герменевтический суверенитет представляет собой целенаправленную технологию легитимации, при которой суд выступает в роли активного «доктринального инженера». Его операциональная логика заключается не в интерпретации существующей правовой реальности, а в её стратегическом конструировании – создании новой нормативной онтологии, из которой с необходимостью вытекает требуемый охранительный вывод. В зависимости от характера вызова этот тип суверенитета реализуется в двух основных модификациях, различающихся целевой установкой и стратегией герменевтического управления.

Первая модификация – режим санации (реставрационный цикл). Его целевая установка – легитимация восстановления нарушенного конституционного порядка. Этот механизм был применён, в частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ № 10-П от 31.07.1995¹. Ключевым механизмом становится радикальное онтологическое переопределение конфликтной ситуации. Это достигается через введение доктринальных конструкций, кардинально меняющих саму основу для правовой оценки, например, путём констатации возникновения условий, которые могут быть определены как «правовой вакуум». Такая конструкция выполняет двойную функцию:

– дескриптивно-квалифицирующую: она переводит восприятие ситуации из плоскости спора о пределах права (*intralegem*) в плоскость его отсутствия и последующего восстановления (*extra/contralegem*);

– легитимирующе-иммунизирующую: она создаёт смысловые основания для применения мер, выходящих за рамки обычного правового режима, представляя их как акты восстановления правопорядка, а не его нарушения.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

Стратегия управления критикой в этом режиме – семантическая изоляция.

Аргументация, представленная в особых мнениях и основанная на логике действующего в обычных условиях права, не опровергается, но объявляется нерелевантной. Критика апеллирует к системе координат, которую решение большинства суверенным актом отменило, что позволяет вывести её за пределы легитимного дискурсивного поля.

Вторая модификация – режим кристаллизации (архитектурный цикл). Его целевая установка – легитимация нового конституционно-правового статус-кво. Данная логика отражена, например, в Постановлении Конституционного Суда РФ № 6-П от 19.03.2014². Здесь доминирующим механизмом становится не отрицание, а наложение верховного смыслообразующего нарратива. Историко-политический или ценностный нарратив выступает в роли семантического каркаса, который подчиняет себе все частные правовые аргументы, задавая иерархию их значимости.

Стратегия управления критикой эволюционирует в сторону инструментальной интеграции. Критика, сфокусированная на процедурных или догматических аспектах, не изолируется, а семантически подчиняется основному нарративу. Частные вопросы перекавалифицируются из критериев легитимности в технические детали реализации уже легитимного в своей основе акта. Наличие структурированной критики начинает работать на укрепление всей конструкции, демонстрируя внимание к «правовой форме» и создавая эффект управляемой сложности, что усиливает общую убедительность.

Общая операциональная логика инструментального типа, объединяющая обе модификации, может быть описана как герменевтика учреждающего декрета. Легитимность проистекает не из убедительности аргументации в диалоге, а из силы суверенного смыслоутверждения, которое создаёт новое основание (*Grundnorm*) для любой последующей оценки. Суд в этом режиме осуществляет *judicere* в его наиболее активной форме – не просто «говоря право», но учреждая правовым словом новую реальность, в рамках которой его решение является единственно возможным. Эта способность

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 3.

к смысловому конструированию и составляет ядро его герменевтического суверенитета в инструментальном модуле.

Автокоммуникативный герменевтический суверенитет: производство смысловой исчерпанности через внутренний синтез

Автокоммуникативный герменевтический суверенитет представляет собой технологию легитимации, принципиально отличную от инструментального конструирования. Если последний утверждает власть суда через созидание новой реальности, то автокоммуникативный суверенитет утверждает её через демонстрацию верховенства системного конституционного разума. Его цель – не ответить на внешний вызов новым доктринальным творчеством, а показать, что сама конституционная система в лице суда обладает имманентной способностью к исчерпывающему самоосмыслению и снятию любых противоречий. Легитимность здесь проистекает из авторитета внутренней последовательности, логической неизбежности и беспрецедентной глубины проведённого анализа. Эталонное воплощение данного типа демонстрирует Федеральный конституционный суд Германии, например, в Лиссабонском решении 2009 г. (BVerfGE 123, 267).

Ключевой механизм – полная интернализация сомнения и производство текста-монолога. Формальным признаком данного типа является, как правило, отсутствие особого мнения (*Sondervotum*). Однако это отсутствие маркирует не консенсус, а принципиально иную стратегию работы с сомнением – его тотальную интернализацию в единый текст решения большинства. Все возможные контраргументы, альтернативные подходы и имманентные праву коллизии не экстернализируются в виде отдельного процессуального акта, а растворяются в ткани аргументации, становясь топливом для сложнейшей внутренней работы системы над собой. Итоговый текст предстаёт не как победа одной позиции над другой, а как гигантский монолог-синтез, в котором система ведёт диалог сама с собой.

Операциональные техники – для достижения эффекта смысловой исчерпанности используются специфические текстуальные стратегии:

– риторика гипотетического диалога и снятия возражений. Текст строится по схеме последовательного предъявления и опровержения возможных контраргументов. Используются

формулы типа «Zwar... aber...» («Хотя... но...»). Это создаёт впечатление, что суд заранее предугадал и взвесил все возможные точки зрения;

– композиционная прогрессия как логическая неизбежность: структура решения выстраивается таким образом, что каждый следующий раздел с кажущейся неотвратимостью вытекает из предыдущего. Это создаёт эффект логического принуждения;

– декларативная самодостаточность правовой системы. В тексте постоянно подчёркивается, что ответ на вызов содержится в имманентной сложности и внутренней согласованности самого конституционного порядка. Суд выступает не творцом, а верховным диагностом и глашатаем этой сложности.

Стратегия управления критикой в данном режиме, по сути, предвосхищает и снимает её возможность. Поскольку все мыслимые линии критики уже инсценированы и опровергнуты в основном тексте, у потенциального автора особого мнения семантически изымается почва для принципиального несогласия. Таким образом, автокоммуникативный суверенитет достигает легитимности через производство текста, который сам по себе является актом тотального самоподтверждения правопорядка.

Герменевтический суверенитет через доминирование верховного принципа: риторическое подчинение конфликта

Герменевтический суверенитет через доминирование верховного принципа представляет собой технологию легитимации, применяемую в условиях глубокого политико-правового раскола. Легитимность производится через риторическое и семантическое подчинение конкретного юридического спора верховному, часто надправовому принципу или нарративу, который объявляется фундаментальным для выживания и единства политического сообщества. Этот принцип выполняет функцию нормативно-аргументативной структуры высшего порядка: он переопределяет условия ведения спора, маргинализуя альтернативы, несовместимые с этим верховным императивом. Архетипически данный тип представлен в практике Верховного Суда США, например, в делах *Texas v. White* (1869) и *Hamdi v. Rumsfeld* (2004).

Ключевой механизм – возведение принципа в статус конституционной аксиомы. Первым шагом является декларативное утверждение определённого принципа или нарратива в качестве не требующей обоснования исходной

данности, аксиоматической основы для всех последующих рассуждений. Этот принцип не выводится из текста конституции путём интерпретации, он провозглашается как её дух, высшая цель или историческая миссия.

Операциональные техники и модификации: данный тип может реализовываться в двух основных формах:

1) аксиоматическое замыкание дискуссии. Применяется в ситуации острого, но преодоленного кризиса. Стратегия заключается в полном подавлении экстернализации сомнения. Текст решения строится как монолитное повествование, где верховный нарратив (аксиома о «нерушимом Союзе», «восстановленном единстве») поглощает все частные правовые вопросы. Конфликт интерпретаций не анализируется, а семантически прекращается через апелляцию к объединяющей аксиоме. Легитимность происходит из силы этого аксиоматического утверждения и институционального авторитета суда как его верховного интерпретатора;

2) институционализация управляемого напряжения. Применяется в условиях перманентного, неразрешимого конфликта ценностей. Здесь допускается управляемая экстернализация сомнения, но она подчиняется метапринципу. Ключевой техникой становится возведение самой неопределённости или противоречия в ранг конституционного принципа. Например, провозглашается, что «баланс между свободой и национальной безопасностью в военное время является краеугольным камнем нашей конституционной системы». Этот «принцип баланса» конституционализирует конфликт как постоянное, управляемое судом напряжение. Особые мнения, требующие абсолютного приоритета одной из ценностей, маргинализуются через объявление их крайностями, нарушающими логику «взвешенного подхода».

Стратегия управления критикой основана на дискурсивном контроле через установление верховных правил игры. Критика оценивается с точки зрения её соответствия провозглашённому верховному принципу. Если критика отрицает сам этот принцип, она объявляется выходящей за рамки конституционного дискурса.

Таким образом, герменевтический суверенитет через доминирование принципа проявляется в монопольной способности суда определять и провозглашать те верховные смысловые структуры (аксиомы, метапринципы), которые

очерчивают границы допустимой правовой дискуссии в моменты национальной угрозы. Суд выступает здесь как верховный хранитель и интерпретатор основополагающих политико-правовых аксиом сообщества, обеспечивая его семантико-нормативное единство.

Метод диагностики и сравнительные перспективы

Особое мнение как герменевтический феномен и аналитический зонд

Выбор особого мнения судьи в качестве ключевого «диагностического зонда» методологически обоснован его уникальным статусом на пересечении процедуры, права и философской герменевтики. Во-первых, это процессуально легализованная контрпозиция, создаваемая в рамках той же процедуры, что и решение большинства. Во-вторых, это материализованное воплощение имманентного праву сомнения, институционализированная форма юридической контрфактичности [15, с. 178]. В-третьих, это институционально ограниченный вызов, создающий ситуацию управляемого дискурса, где критика структурирована и канализирована самой системой. Реакция большинства на этот вызов является системной характеристикой герменевтического режима суда.

Протокол в сравнительной перспективе – иллюстрация метода на материале ФКС Германии и ВС США.

Трёхшаговый протокол диагностики герменевтического суверенитета обладает универсальным характером. Для демонстрации его сравнительного потенциала кратко применим его к ключевым решениям Федерального конституционного суда Германии и Верховного Суда США.

Анализ Лиссабонского решения ФКС Германии (2009 г., BVerfGE 123, 267):

– шаг 1. Идентификация формы канализации сомнения. Фиксируется режим полной интернализации. Формальные особые мнения (Sondervotum) отсутствуют. Сомнение инкорпорировано в единый текст;

– шаг 2. Реконструкция стратегии герменевтического управления. Доминирующей стратегией является автокоммуникативный синтез. Суд последовательно инсценирует и снимает ключевые контраргументы через риторические формулы «Zwar... aber...»;

– шаг 3. Выявление технологии легитимации и определение типа суверенитета. Используемая технология – производство смысловой

исчерпанности через демонстрацию системной рефлексии. Практика соответствует автокоммуникативному герменевтическому суверенитету.

Анализ решения Верховного Суда США *Texas v. White* (1869 г.):

– шаг 1. Идентификация формы канализации сомнения. Фиксируется подавленная экстернализация при глубоком внутреннем расколе (решение 5–4). Доминирующая позиция стремится к смысловому единству итогового текста;

– шаг 2. Реконструкция стратегии герменевтического управления. Ключевой стратегией является доминирование через конституционно-аксиоматический принцип. Мнение большинства апеллирует к верховному принципу «нерушимости и вечности Союза», который постулируется как исходная и неоспоримая правовая данность;

– шаг 3. Выявление технологии легитимации и определение типа суверенитета. Используемая технология – аксиоматическое замыкание дискуссии через подчинение конфликта верховному нарративу. Практика соответствует герменевтическому суверенитету через доминирование верховного принципа.

Метод сознательно принимает ряд ограничений: 1) имманентность vs. каузальность – он отвечает на вопрос «как», но не «почему»; 2) контекстуальная чувствительность – требует проверки на репрезентативность; 3) зависимость от институционализации критики; 4) нормативная нейтральность – описывает механизмы, но не даёт оценок [20].

Заключение

Проведённое исследование было мотивировано необходимостью преодоления двойного тупика в осмыслении феномена суверенно-охранительного конституционализма: методологического (сводимого к дихотомии «что» vs. «почему») и идеологического (замыкающегося на оценочных категориях «авторитарного» отступления от либеральных стандартов). Предложенный герменевтический поворот осуществляет кардинальное смещение аналитического фокуса на третий, ключевой вопрос – *каким образом* конфликтная реальность экзистенциального кризиса трансформируется в легитимный и общеобязательный судебный акт.

Научная новизна и теоретико-методологический вклад работы заключаются в следующем.

1. Введение нового уровня анализа и оригинального категориального аппарата. Предложено и реализовано чёткое различие конституционно-онтологического и герменевтико-технологического уровней. Для анализа второго уровня введены концепты разветвлённого герменевтического цикла и герменевтического суверенитета как суверенитета в сфере конституционного смыслопорождения.

2. Преодоление идеологического диктата в сравнительном правоведении. Аппарат позволяет выйти за рамки оппозиции «нормативный идеализм vs. социологический редукционизм», переводя анализ в плоскость сопоставления институциональных механизмов работы юридического языка, что открывает путь к полицентричному изучению моделей защиты суверенитета.

3. Разработка операционального метода диагностики и верификации. Предложен метод доктринальной реконструкции с трёхшаговым протоколом, использующим особое мнение как герменевтический феномен. Его операциональность доказана на конкретных примерах.

4. Построение объяснительной типологии. На основе методологии идеальных типов построена система типов герменевтического суверенитета (инструментальный, автокоммуникативный, доминирование через принцип), связывающая технологию легитимации с характеристиками конституционной устойчивости.

Важно подчеркнуть, что каждый идеальный тип обладает двумя взаимосвязанными измерениями. Внутреннее (герменевтико-текстуальное) измерение раскрывается через саму технологию легитимации. Внешнее (институционально-функциональное) измерение проявляется в той социальной и политической роли, которую суд выполняет. Устойчивость конституционного порядка предполагает конгруэнтность этих измерений.

Практическая значимость исследования состоит в предоставлении инструмента для структурного сравнительного анализа, осмысления и совершенствования отечественных технологий доктринального обеспечения государственного суверенитета, а также диагностики кризисов легитимности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в эмпирической верификации типологии, анализе гибридных форм и динамики переходов, применении аппарата к иным юрисдикциям и наднациональным судам, а также в теоретическом углублении связи герменевтического суверенитета с классическими учениями о суверенитете и легитимности.

Таким образом, настоящей статьёй закладывает теоретико-методологический фундамент для исследовательской программы, дискуссия о суверенитете переводится в плоскость конкретного анализа технологий производства правовой достоверности, а также предлагает необходимый интеллектуальный инструментарий для понимания и укрепления суверенных способностей правопорядка в эпоху испытания основ его конституционного бытия.

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2021. 154 с.
2. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Айрис-Пресс, 2006. 672 с.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Парогъ, 1993. 235 с.
4. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2011. 592 с.
5. Хабриева Т. Я. Национальная конституционная идентичность: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 6. С. 965–972.
6. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М. : Юрист, 2005. 574 с.
7. Чиркин В. Е. Современное государство. М. : Международные отношения, 2001. 416 с.
8. Tushnet M. Authoritarian Constitutionalism // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100, iss. 2. P. 391–462.
9. Hirschl R. Towards juristocracy: The origins and consequences of the new constitutionalism. Cambridge : Harvard University Press, 2004. 296 p.
10. Krasner S.D. Sovereignty: Organized hypocrisy. Princeton N.J. : Princeton University Press, 1999. 264 p.
11. Staton J. K. Judicial power and strategic communication in Mexico. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 240 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511750632>
12. Epstein L., Knight J. The choices justices make. Washington, D.C. : CQ Press, 1998. 180 p.
13. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
14. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge : Harvard University Press, 1986. 470 p.
15. Alexy R. A theory of legal argumentation: The theory of rational discourse as theory of legal justification. Oxford : Clarendon Press, 1989. 323 p.
16. Калина В. Ф. Сравнительное правоведение в конституционном измерении. М. : Норма, 2020. 400 с.
17. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
18. Шмидт К. Политическая теология. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
19. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс : в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, ИНФРА-М, 2021. 864 с.
20. MacCormick N. Rhetoric and the rule of law: A theory of legal reasoning. Oxford : Oxford University Press, 2005. 288 p.

References

1. Zorkin V. D. *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional justice: Procedure and meaning]. St. Petersburg, Constitutional Court of the Russian Federation Publ., 2021. 154 p. (in Russian).
2. Tikhomirov L. A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]*. Moscow, Iris-Press, 2006. 672 p. (in Russian).
3. Ilyin I. A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Legal Consciousness]. Moscow, Rarog, 1993. 235 p. (in Russian).
4. Zorkin V. D. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow, Norma, 2011. 592 p. (in Russian).
5. Khabrieva T. Ya. National constitutional identity: Contemporary challenges. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law Studies*, 2014, no. 6, pp. 965–972 (in Russian).
6. Ebzееv B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroye Rossiyskoy Federatsii* [Individual, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, Yurist, 2005. 574 p. (in Russian).
7. Chirkin V. E. *Sovremennoe gosudarstvo [The modern state]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001. 416 p. (in Russian).
8. Tushnet M. Authoritarian Constitutionalism. *Cornell Law Review*, 2015, vol. 100, iss. 2, pp. 391–462.
9. Hirschl R. *Towards juristocracy: The origins and consequences of the new constitutionalism*. Cambridge, Harvard University Press, 2004. 296 p.
10. Krasner S. D. *Sovereignty: Organized hypocrisy*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1999. 264 p.
11. Staton J. K. *Judicial power and strategic communication in Mexico*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 240 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511750632>
12. Epstein L., Knight J. *The choices justices make*. Washington, D.C., CQ Press, 1998. 180 p.

13. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenевtiki* [Truth and method: Fundamentals of a philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress, 1988. 704 p. (in Russian).
14. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Harvard University Press, 1986. 470 p.
15. Alexy R. *A theory of legal argumentation: The theory of rational discourse as theory of legal justification*. Oxford, Clarendon Press, 1989. 323 p.
16. Kalina V. F. *Sravnitel'noe pravovedenie v konstitutsionnom izmerenii* [Comparative law in the constitutional dimension]. Moscow, Norma, 2020. 400 p. (in Russian).
17. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress, 1990. 808 p. (in Russian).
18. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Moscow, Canon-Press-Ts, 2000. 336 p. (in Russian).
19. Avakyan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: Uchebnyi kurs* [Constitutional law of Russia: A course of study. Vol. 1. 6th ed., rev. and exp.]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2021. 864 p. (in Russian).
20. MacCormick N. *Rhetoric and the rule of law: A theory of legal reasoning*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 300 p.

Поступила в редакцию 08.02.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 16.02.2026
The article was submitted 08.02.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 16.02.2026